

Когда Цзи Юйцзинь вернулся, на лицах обоих не было никаких перемен.

Цзи Юйцзинь налил ему стакан воды. Чу Фэнцин сделал несколько глотков, посмотрел на чайник на столе и спросил:

— Почему ты сменил чайник?

Цзи Юйцзинь:

— Ты пользуешься им каждый день. Боюсь, он тебе надоест, вот и сменил.

Чу Фэнцин просто кивнул, решив не допытываться дальше.

После завтрака Чу Фэнцин хотел проверить совместимость двух рецептов, которые он только что обнаружил, с предыдущими пилюлями, но по какой-то причине Цзи Юйцзинь сегодня был не в настроении. После завтрака он не пошёл варить лекарство, как вчера, а просто остался в комнате.

Чу Фэнцин несколько раз притворно посмотрел на него, но в последний раз был пойман.

Цзи Юйцзинь был весьма беспомощен и улыбнулся ему:

— Ладно, я больше не буду тебе мешать.

Он явно знал, о чём думает Чу Фэнцин, но немного волновался и не хотел, чтобы тот вставал с постели.

— Но сегодня на улице холодно, и, кажется, скоро пойдёт дождь. С ветром и дождём, боюсь, ты не выдержишь. — Цзи Юйцзинь снял лисью меховую накидку и надел на него. — Так что тебе не разрешается тайком вылезать из постели.

Лицо Чу Фэнцина покраснело. Оказывается, он уже давно это обнаружил.

Цзи Юйцзинь взял первоначальный рецепт Чу Фэнцина и сказал полусуто:

— Сегодня я буду прислуживать только тебе. Что бы господин ни сказал, этот скромный сделает.

Чу Фэнцин был позабавлен его словами и сказал:

— Но у меня нет средств заплатить тебе. Даже если бы я продал всё, что у меня есть, это всё равно не покрыло бы месячное жалование главы Сичана.

— Ничего. Этот скромный презирает золото и имеет лишь одно увлечение в этой жизни.

Пока Чу Фэнцин не обращал внимания, Цзи Юйцзинь чмокнул его в губы:

— Этот скромный слуга похотлив. С такой красавицей в объятиях было бы романтично, даже если бы я стал призраком.

— Писаная красавица, просто дай мне такую награду, хорошо?

Поначалу Чу Фэнцин был чрезвычайно против его поведения, потому что боялся, что тот заразится болезнью, но чем больше он прятался от Цзи Юйцзиня, тем безумнее тот становился, и постепенно он просто позволил ему.

В этот миг, встретив слегка приподнятые лисьи глаза Цзи Юйцзиня, Чу Фэнцин последовал за его силой и поцеловал его в губы, как стрекоза, касающаяся воды, и исчез в мгновение.

Затем он усмехнулся и сказал:

— Хорошо.

Цзи Юйцзинь улыбнулся, изогнул свои красные губы и снова нагло потребовал свою плату, сказав хриплым голосом:

— Этот глава сорвал куш.

Они были заняты весь день. В полдень Цзи Юйцзинь уложил Чу Фэнцина, чтобы они могли ненадолго отдохнуть. К вечеру, когда начало темнеть, Цзи Юйцзинь собрал все рецепты и книги в комнате.

После того как они поужинали, Цзи Юйцзинь посмотрел на некомфортное выражение лица Чу Фэнцина и догадался о причине.

Чу Фэнцин любил чистоту и должен был мыться каждый день, но с тех пор как в особняке разразилась эпидемия, некому было ему прислуживать, не говоря уже о том, чтобы кипятить горячую воду, так что в эти дни он мылся лишь кое-как.

Цзи Юйцзинь:

— Позволь мне помочь тебе помыться.

Чу Фэнцин опешил, его глаза слегка расширились: «.....»

— Не нужно.

Цзи Юйцзинь:

— Ты стесняешься? Тогда я вскипячу для тебя воду, и ты помоешься сам?

Хотя Чу Фэнцин и не хотел соглашаться, это было слишком заманчиво.

Он мгновение колебался, и Цзи Юйцзинь понял:

— Подожди минутку.

После того как вода была готова, Цзи Юйцзинь сказал:

— Ты можешь принять ванну сам, я помогу тебе вымыть голову.

Чу Фэнцин опустил глаза, посмотрел на свои несколько слабые руки и ноги, затем согласился.

Цзи Юйцзинь никогда раньше никому не мыл голову, поэтому он расчёсывал волосы Чу Фэнцина очень осторожно. Волосы Чу Фэнцина были очень чёрными и гладкими, и когда они были распущены, они могли покрыть все его плечи.

Волосы скользили сквозь его руки, ощущаясь как шёлк. Цзи Юйцзинь посмотрел на мозоли на своих ладонях, оставленные упражнениями с мечом, и у него возникла иллюзия, что он поцарапает его.

Чу Фэнцин был как то цветное стекло, которое он нашёл за Великой стеной, кристально чистое, но хрупкое. Он боялся, что оно треснет, если его хоть немного сжать.

Чу Фэнцин лежал на маленькой кушетке. Он впервые видел Цзи Юйцзиня под таким углом.

Цзи Юйцзинь впервые мыл кому-то голову, поэтому неизбежно был немного неуклюж. Опустив голову, он увидел ясные глаза Чу Фэнцина. Он помедлил, приподнял брови и улыбнулся:

— Закрой глаза.

Чу Фэнцин поджал губы и медленно закрыл глаза. Закрыв глаза, его другие чувства стали очень ясными. Тёплая вода, разбрызганная по его коже, была тёплой и очень приятной.

Цзи Юйцзинь двигался очень нежно, слегка надавливая кончиками пальцев на его кожу головы. Лишь изредка несколько капель воды брызгали ему на лицо, за чем следовал шуршащий звук трения одежды. Цзи Юйцзинь использовал свои рукава, чтобы вытереть капли воды, которые «случайно ранили» его.

Чу Фэнцин не мог не открыть глаза и улыбнуться, видя, как он всполошился.

Эта улыбка заставила Цзи Юйцзиня «сверкнуть глазами» и сказать:

— У тебя нет совести.

Вымыв голову, Цзи Юйцзинь нашёл сухую ткань и помог ему выкрутить волосы. Когда они были на девяносто процентов сухими, он заколол их шпилькой.

В сочетании с неземным темпераментом Чу Фэнцина можно было бы и впрямь подумать, что он красивый молодой даосский священник из какого-то даосского храма.

Когда пришла пора мыться, прежде чем Чу Фэнцин успел снять одежду, Цзи Юйцзинь сказал:

— Позволь мне помочь тебе вытереть спину. Ты не можешь достать до спины.

Чу Фэнцин поднял глаза и взглянул на него:

— Ты заходишь слишком далеко.

Цзи Юйцзинь больше не скрывал этого:

— Я получил плату, так что должен выполнить работу.

Плата — это поцелуй утром.

Чу Фэнцин знал, что он волнуется о нём, но на самом деле его здоровье было не настолько плохим, и у него всё ещё была способность заботиться о себе. Однако он уже испытывал это чувство раньше и также понимал, что тот ищет это чувство безопасности больше, чем он сам.

Поэтому Чу Фэнцин последовал его желанию и не стал выгонять Цзи Юйцзиня.

Он снял одежду и окутал всё тело горячей водой. Давно забытое тепло поднималось от его копчика мало-помалу, и он погрузился в воду. Хотя они уже были откровенны друг с другом, ему всё ещё было немного неловко в ярко освещённой комнате.

Обнажённая кожа тоже покраснела от горячего воздуха. Цзи Юйцзинь, стоявший позади него, долго не двигался. Тогда Чу Фэнцин оглянулся в замешательстве.

Цзи Юйцзинь наконец отреагировал и неловко растянул уголки губ.

После того как Чу Фэнцин отвернулся, лицо Цзи Юйцзиня мгновенно стало уродливым.

Спина Чу Фэнцина не такая мягкая, как у девушки. Под его нефритоподобными плечами — прямая спина, его лопатки слегка раскрыты, и он выглядит немного худым. На его талии есть маленькая чёрная родинка.

Но что заставило лицо Цзи Юйцзиня потемнеть, так это то, что на его белоснежной спине было много маленьких высыпаний. Поскольку он был очень белым, красный цвет выглядел особенно вызывающе.

Однако с тех пор, как он начал контактировать с чумой, он никогда не слышал, чтобы у какого-либо пациента был этот симптом.

Он протянул руку и коснулся их, спросив:

— У тебя чешется спина в эти дни?

Чу Фэнцин покачал головой, немного сбитый с толку его внезапным вопросом:

— Почему ты спрашиваешь?

Цзи Юйцзинь поджал губы и взял бронзовое зеркало из соседней комнаты. При свете свечи Чу Фэнцин смутно увидел, что происходит за его спиной.

Это... почему это происходит?

Глядя на выражение лица Чу Фэнцина, Цзи Юйцзинь понял, что тот не заметил.

Цзи Юйцзинь:

— Хочешь, я позову врача, чтобы он посмотрел? Можно также попросить его посмотреть через дверь.

Чу Фэнцин:

— Ничего, не болит и не чешется. Может, меня укусило какое-то маленькое насекомое.

Ему удалось изогнуть нижнюю губу:

— Не волнуйся, я сам врач. Если и впрямь есть проблема, я обязательно смогу сразу же её обнаружить.

Цзи Юйцзинь легко вздохнул, и в этот миг он вдруг возненавидел себя за то, что не выучился каким-нибудь медицинским навыкам.

У обоих были застывшие выражения, но не было смысла волноваться. Цзи Юйцзинь боялся, что он простудится, если будет мокнуть слишком долго, поэтому уложил его в постель после недолгого купания.

Чу Фэнцин был в ночной рубашке, лежал в свежестеленном постельном белье, с грелкой в руке. Он чувствовал, что большая часть усталости последних нескольких дней рассеялась, всё его тело стало мягким, а кости — гораздо более расслабленными.

Когда Цзи Юйцзинь вернулся в комнату, он обнаружил, что Чу Фэнцин уже заснул.

Он протянул руку и коснулся волос Чу Фэнцина, но быстро отдёрнул руку. Лунный свет сегодня был особенно прекрасен, и он изначально хотел вывести его посмотреть на луну.

Но лучше, что он заснул. Хотя он ещё не заразился болезнью, всего за несколько дней она может сделать человека измождённым, что, должно быть, невыносимо неприятно.

Цзи Юйцзинь лёг рядом с ним, нежно обнял его и прижался мягким поцелуем к его лбу:

— Сладких снов.

На третий день Цзи Юйцзинь шёл к двери с лекарством, когда услышал сильный кашель в комнате. Он ускорил шаг и вошёл в комнату как раз вовремя, чтобы увидеть, как Чу Фэнцин прячет что-то в рукаве.

Он не хотел его разоблачать, поэтому подождал у двери несколько мгновений и вошёл только после того, как увидел, что тот спрятал это.

Как только он вошёл в комнату, Чу Фэнцин сказал ему, хмурясь:

— Цзи Юйцзинь, я знаю, что пошло не так! Я написал новый рецепт, и этот рецепт сочетается с акупунктурой...

Он сделал вдох, говоря это. Чу Фэнцин выглядел гораздо менее бодрым, его подбородок заострился, и он сказал:

— Это должно быть правильно.

Цзи Юйцзинь взял рецепт. Хотя он не совсем понимал его, но раз Чу Фэнцин так сказал, это должно быть правильно:

— Циньэр, ты потрясающий. Если у тебя получится, ты спасёшь десятки тысяч жизней. Ты заслуживаешь титула «помощь миру медициной».

Цзи Юйцзинь никогда не скупился на похвалу. Если что-то было сделано хорошо, он признавал это хорошим; если нет — значит, нет. Он проводил чёткое различие между наградой и наказанием. Чу Фэнцин, с другой стороны, с детства воспитывался более сдержанным, поэтому он не привык к прямым похвалам и не очень умел принимать похвалы от других.

Слова Цзи Юйцзиня заставили его лицо слегка покраснеть, но эти четыре слова также согрели его сердце.

Однако, для верности, Чу Фэнцин передал рецепт дальше и показал его Императорскому лекарю Ли и другим. Все они согласились, что он хорош.

Так Чу Фэнцин стал первым человеком, который попробовал лекарство, и его симптомы значительно улучшились через два дня.

Этот рецепт был модификацией изначального. Предыдущий рецепт был применён без каких-либо побочных эффектов, и ситуация была срочной, поэтому его быстро внедрили.

День, когда лекарство было выпущено, был кануном Нового года, но из-за эпидемии здесь не было праздничной атмосферы в канун Нового года. Не было ни воссоединений, ни петард, ни украшений, ни детей, гуляющих по улицам.

<http://bllate.org/book/17231/1639389>